

В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка.— М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1955. 392 стр.

Вышедшая в 1955 г. в свет книга В. Г. Адмони «Введение в синтаксис современного немецкого языка», несомненно, заслуживает внимания советских германистов, поскольку в ней впервые в отечественном языкознании делается попытка изложить основы синтаксиса современного немецкого языка в научно-теоретическом плане. Система

¹ В связи с данным замечанием рецензента необходимо обратить внимание на материал, полученный редакцией от ст. преподавателя кафедры английского языка Смоленского педагогического института В. Д. Ившина. В. Д. Ившин отмечает, что в книге А. А. Реформатского «Введение в языкознание» имеется ряд ошибок и неточностей, которые нужно было бы устранить при редактировании книги. В качестве примера таких ошибок, неточностей и опечаток В. Д. Ившин приводит следующие: написание английского местоимения *he* — *hem* вместо правильного *he* — *him* (стр. 25), *conwersio* вместо *conversio* (стр. 59), *wolf* [wu:f] вместо *wolf* [wulf] (стр. 100), *Hohle* вместо *Höhle* (стр. 151), *bee* вместо правильного написания *be* (стр. 232), *doughter* вместо правильного *daughter* (стр. 235 и 315); название западной части Англии *Wallis* вместо *Wales* (стр. 326), *Горьковский край* вместо *Горьковская область* (стр. 332), *Алтайская АССР* вместо *Алтайский край* (стр. 332), *Хакасская АССР* вместо *Хакасская автономная область* (стр. 332), *Тувинская Народная Республика* вместо *Тувинская автономная область* (стр. 332) и др.— *Ред.*

взглядов, излагаемая автором, явилась итогом многолетнего чтения В. Г. Адмони курса лекций по теоретической грамматике немецкого языка, самостоятельных исследований, тщательного изучения специальной литературы. Автор критически использовал большой материал по вопросам синтаксиса, имеющийся в немецкой грамматической литературе, в частности труды Пауля, Риса, Бехагеля, Зюттерлина, Вильманса по вопросу о словосочетании, работы Эрмана, Бехагеля, Пауля, Зюттерлина по проблеме порядка слов и др. Вместе с тем книга отличается оригинальностью построения и своеобразной трактовкой целого ряда вопросов синтаксиса. В отчетливой форме предстают в ней те концепции, которые намечались в самых ранних работах В. Г. Адмони (например, система аспектов предложения)¹, а также проблемы, разработанные позднее («монофлексия» в группе существительного, двусоставность предложения, «расширенное сказуемое» и многие другие).

Работа состоит из трех частей и введения, в котором содержатся определения самых общих понятий языкознания: грамматики, грамматических категорий, синтаксиса как раздела грамматики, понятия грамматической формы и т. д.

Первая, наиболее обширная часть книги (стр. 38—248) посвящена анализу предложения как основной коммуникативной единицы, которая «несредственно реализует основную функцию языка, а именно оформляет речевое общение между людьми, являясь законченным высказыванием и выражением законченной мысли и получая свое особое грамматическое оформление» (стр. 13).

В этой части книги даются подлинно грамматические, а не «логические» определения главных членов предложения (стр. 50, 52), самого предложения (стр. 38) и др. При рассмотрении любой проблемы синтаксиса автор постоянно учитывает отражение в предложении определенного отношения к объективной действительности, которое и составляет реальное, логическое содержание предложения. Стремлением всесторонне осветить социальную функцию языка как средства общения людей объясняется новый и на первый взгляд необычный подход к анализу предложения по его семи различным аспектам, которые складываются «у предложения в процессе выполнения им его роли единицы речевого общения, выражающей законченную мысль» (стр. 3).

Все эти аспекты в той или иной степени разрабатывались в трудах различных германистов. Однако заслугой автора работы «Введение в синтаксис» является сведение их в стройную систему и рассмотрение их как определенных синтаксических категорий, обеспечивающих анализ наиболее устойчивых и характерных грамматических типов предложения, закономерно сложившихся в процессе длительного исторического развития языка. Ведь «в каждом из этих аспектов предложения различаются между собой и по своему содержанию, и по своей конкретной языковой форме» (стр. 43) (разрядка наша.—*Авт.*).

Наряду с освещением всей специфики синтаксического строя немецкого языка большое внимание автор уделяет здесь раскрытию сущности таких важных синтаксических понятий, как предикативное и сказуемое отношения, «психологическое подлежащее», взаимоотношение «логического субъекта» и «логического предиката» с подлежащим и сказуемым и др. Весьма обстоятельно рассматриваются причины несовпадения грамматического членения предложения с его психологическим и логическим членением и расхождения сказуемого отношения (отношения подлежащего и сказуемого) с предикативным отношением, связывающим два компонента при построении предложения.

Предметом второй части книги В. Г. Адмони (стр. 249—364) являются подчинительные словосочетания, рассматриваемые автором как синтаксические группы в составе предложения. Выделение словосочетания как особого раздела синтаксиса производится впервые в советской германистике и заслуживает, с нашей точки зрения, положительной оценки.

Проблема словосочетаний имеет значение не только для синтаксиса немецкого языка, но и для всей синтаксической науки в целом. Большое внимание вопросам словосочетания уделяется в русском языкознании (см. работы Фортунатова, Пешковского, Виноградова, Сухотина, Петерсона и др.). Рассмотрению словосочетаний специально посвящена первая часть второго тома академической «Грамматики русского языка». Значительный фактический материал по этому вопросу мы находим в трудах немецких лингвистов — Риса, Бехагеля, Зюттерлина, Блюмеля и др. Однако В. Г. Адмони по-новому осмысливает эти данные, выделяя те характерные свойства словосочетаний, которые специфичны именно для грамматического строя немецкого языка. Подчеркивая роль синтаксических групп как посредника между словом и предложением, он указывает на тот важный момент, что для характеристики зависимого члена в немецком предложении важнее всего знать его связь с определенной частью речи, а не с членом предложения. При этом В. Г. Адмони рассматривает словосочетания на базе изучения общих тенденций развития немецкого языка. Словосочетания даны автором в их

¹ См. В. Адмони, Структура предложения, сб. «Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении», М.—Л., 1935.

цельности, с учетом всех входящих в них звеньев. Особенно это касается группы существительного с его определениями.

В третьей части книги (стр. 365—385) рассматривается порядок слов, который играет для немецкого языка особую важную роль как средство организации не только предложения, но и словосочетания. При анализе функций порядка слов основное внимание справедливо уделяется структурной его функции как наиболее существенной для немецкого языка.

В. Г. Адмони опровергает то неправильное мнение, будто бы тенденция к известной фиксации порядка слов в немецком языке является свидетельством общей тенденции немецкого языка к аналитическому строю (стр. 369). Он отмечает, что в отличие от английского языка фиксированность места в немецком языке не выполняет функции грамматической, синтаксической характеристики слов (стр. 367), и считает, что рамочная конструкция, при помощи которой осуществляется структурная функция порядка слов в немецком языке, способствует обеспечению цельности и организации предложения (или синтаксической группы) как определенного, законченного единства» (стр. 371).

Заслуга разработки этой существенной проблемы в советском языкознании принадлежит именно В. Г. Адмони. В трудах немецких ученых она отмечается лишь вскользь, даже у Эрдмана¹. Бехагсль больше внимания уделяет «закону нарастающих членов предложения», т. е. формальному объему слов, и закону постановки рядом связанных в мысли слов, чем структурной функции.

Станным, однако, кажется то, что в начале книги, перечисляя различные типы синтаксических связей и придавая большое значение ритмико-интонационному моменту в организации предложения, В. Г. Адмони называет порядок слов в немецком языке лишь «дополнительным способом оформления синтаксической структуры предложения и словосочетания» вследствие его большой «подвижности» (стр. 23). Это замечание не увязывается с той большой ролью, которую как будто бы он сам фактически отводит порядку слов [ср. § 30 — об отношении тождества, § 57 — о формах выражения познавательной установки говорящего, § 61 — об эмоциональном содержании предложения, § 87 — о рамочной конструкции в предложении, § 88 — о закономерных отступлениях от рамочной конструкции, главу X (в первой части книги) — о классификации предложений в зависимости от цели высказывания и др.].

Нельзя согласиться также с выражением «частичная фиксированность» порядка слов в немецком языке (стр. 35 и др.), ибо в отношении немецкого порядка слов надо говорить не о «частичной фиксированности», а о значительной связанности, хотя она проявляется и в другом плане, чем, скажем, в английском языке. Ведь даже местоположение второстепенных членов (дополнений, обстоятельств) в немецком предложении в значительной степени обусловлено тем, что они, участвуя в образовании рамки, могут занимать в предложении то же место, что и неизменяемая часть сказуемого.

Не кто иной, как сам В. Г. Адмони, предлагает в данной работе концепцию «расширенного сказуемого» (например, в предложениях типа *Er nimmt seine Bücher, Er ist hier*), вводит в употребление такие новые и важные термины, как «предикативное дополнение», «предикативное обстоятельство», «предикативное сравнение», «предикативный инфинитив». Все это, казалось бы, должно служить подтверждением большой связанности порядка слов в немецком языке.

К сожалению, В. Г. Адмони не увязывает свою концепцию «расширенного сказуемого» с проблемой порядка слов в немецком предложении. Нам кажется, что если бы этот вопрос был включен в третью часть книги, посвященную порядку слов, это сделало бы данный раздел значительно полнее и интереснее и способствовало бы расширению представления о специфике порядка слов, имеющего столь большое значение для строя немецкого предложения. Ведь не случайно даже «закономерные отступления от рамочной конструкции» играют определенную грамматическую и семантическую роль в смысле обособления или выделения, подчеркивания зарамочных членов.

Чрезвычайно положительным является стремление автора выявить своеобразие синтаксической структуры немецкого языка и показать структурные различия в строе немецкого и других языков. Довольно последовательно проводится также сопоставление синтаксических явлений немецкого и русского языков (при рассмотрении некоторых членов предложения, группы существительного и т. д.).

В книге содержится много интересных и важных наблюдений. Весьма ценными, например, являются замечания автора, сделанные им в связи с различными особенностями группы существительного — монофлексивностью, употреблением рамочной конструкции, различными видами определений, артикля.

Большое значение придает автор вопросам словообразования, особенно субстантивации и образованию сложных существительных. Попутно заметим, что здесь сле-

¹ Лишь в последнее время эта проблема получила более широкое освещение. См.: E. Drach. *Grundgedanken der deutschen Satzlehre*, Frankfurt a. M., 1937; K. Boost, *Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes*, Berlin, 1955.

давало бы указать также и на словообразование сложных глаголов типа *freilassen*, *teilnehmen*, глаголов с отделяемыми приставками и на образование словосочетаний с глаголами (типа *Einfluß ausüben*), ибо все это тесно смыкается с проблемой двукомпонентного состава сказуемого, затрагиваемой в книге неоднократно.

В группе прилагательного В. Г. Адмони выделяет особый «придъективный член», но от более подробного освещения его почему-то категорически отказывается в примечании, сделанном на стр. 74. О члене же, зависящем от наречия (очевидно, его следовало обозначить термином «приадвербный член»), в работе не упоминается совсем. Может быть, в отношении этих двух членов автор полагает, что «на базе намеченной здесь системы ведущих, наиболее глубоких и характерных явлений синтаксического строя немецкого языка сравнительно легко может быть выявлено место и значение других, не затронутых в книге частных синтаксических явлений?»

К сожалению, вопрос о «придъективном члене» нельзя считать абсолютно ясным. Скорее следует признать его совершенно неясным. Эту проблему нельзя отнести к числу второстепенных вопросов синтаксиса, ибо она тесно связана с проблемой дополнения, обстоятельства и определения и в различных грамматиках освещается по-разному. Так, например, в теоретическом курсе современного немецкого языка Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой-Сокольской¹ и в грамматике немецкого языка Е. И. Шендельс² такой придъективный член, как слово, управляемое предикативным прилагательным (*Er ist mir ähnlich*), рассматривается как дополнение. Такой же точки зрения придерживается В. Юнг³. Л. Зюттерлин, однако, выделяя подобный придъективный член, не рассматривает его как дополнение⁴. Слова, зависящие от прилагательного, в таких группах, как: *rot vor Zorn*, *der ewig junge* и т. д., В. Юнг называет определениями. В большинстве же других грамматик такие члены чаще всего вообще не привлекают внимание авторов.

В. Г. Адмони совершенно прав, выделяя «придъективный член» в группе прилагательного, так как дополнение он трактует как «второстепенный член, зависящий от глагола и обозначающий предмет, на который... направлено действие» (стр. 74). Однако отсутствие всякой попытки разобраться в этом запутанном вопросе, дифференцированно подойти к придъективным членам, является существенным пробелом этой талантливой и интересной работы, полной верных наблюдений и тонких замечаний.

Отказ от всестороннего анализа придъективных членов приводит к тому, что в различных примерах придъективный член определяется по-разному. Например, в предложении: *Er ist mir ähnlich* (стр. 342) — *mir* называется определением к предикативному прилагательному, а в предложении: *Noch jetzt war ihm alles lieb* (стр. 152) — *ihm* определяется уже как косвенное дополнение. На стр. 355 в предложении *Es (das Gesicht) war ganz kindlich vor Zorn und Kummer* придъективный член рассматривается как обстоятельство причины, хотя на стр. 74 обстоятельство определяется как «второстепенный член, зависящий от глагола».

Тщательно проводится В. Г. Адмони классификация сочинительных союзов при рассмотрении сложносочиненных предложений. Автор приходит к справедливому выводу, что границы между подлинными союзами и так называемыми полусоюзами весьма текучи, так как эти слова сходны по своему семантическому характеру и по характеру выражаемых ими связей.

Наиболее спорным в книге является сведение всех вопросов синтаксиса к рассмотрению предложения и словосочетания как уже сложившихся, данных языковых единиц. Это является безусловно важным и обязательным, но не исключает необходимости рассмотрения проблемы становления предложения и словосочетания из отдельных слов, чему автор книги уделяет, по нашему мнению, недостаточное внимание. Ведь задача синтаксиса состоит не только в изучении готового предложения и словосочетания как элемента предложения, но и в изучении вопросов сочетаемости слов. Интересно было бы проследить характер сочетания слов в немецком языке: сочетание существительного с существительным (с предлогом или без него), глагола с существительным, глагола с наречием и т. д. В этом отношении примером может служить академическая «Грамматика русского языка», где обстоятельно анализируются все указанные проблемы.

Спорными представляются нам и некоторые другие вопросы, например, трактовка приложения. С одной стороны, оно рассматривается очень широко: как обособленное определение. Это значит, что к приложениям можно относить и обособленные прилагательные (на последнее указывает сам автор на стр. 309), и обособленные причастия, инфинитивы и т. д., хотя сам автор прямо об этом не говорит. С другой стороны, при-

¹ Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева-Сокольская, Современный немецкий язык, 2-е изд., Л., 1941.

² Е. И. Шендельс, Грамматика немецкого языка, 2-е изд., М., 1954.

³ W. Jung, Kleine Grammatik der deutschen Sprache, Leipzig 1954, стр. 48, 51.

⁴ L. Sütterlin, Die deutsche Sprache der Gegenwart, Leipzig, 1910, стр. 338.

ложение получает узкую трактовку, так как, например, в группе *Doktor Müller* В. Г. Адмони считает слово *Doktor* просто определенным (стр. 311), ибо это существительное не обособлено.

Одновременно В. Г. Адмони называет приложением субстантивированное прилагательное в словосочетании *Peter der Große* (стр. 308). Нам кажется, что приложение — совершенно особый вид определения и не следует смешивать его с обычным определением, хотя бы это и было обособленное прилагательное. А. А. Шахматов указывает, что приложение выражает особые аппозиционные отношения, возникающие между названиями субстанций и явлений, т. е. между существительными. Он увязывает аппозиционные отношения с предикативными, считая, что приложение в известных случаях может стать сказуемым¹. В кандидатской диссертации М. П. Савцова под приложением также понимается существительное или его эквиваленты, т. е. субстантивированные части речи². Подобная точка зрения кажется нам более правильной.

Неясна также классификация предложений в зависимости от выраженных в них предикативных отношений: автор книги исходит иногда из формы, иногда из содержания предложения. Так, наряду с предложениями, выражающими отношение производителя действия и действия (§ 25 — стр. 115 и далее), отношения отдельного и общего (§ 29), отношения тождества (§ 30), выделяются предложения с прилагательным и причастием в качестве именного члена сказуемого (§ 27), предложения со страдательной формой глагола (§ 28) и т. д. В основу классификации положено разделение типов предложения по выражаемому сказуемому действию или состоянию (I тип) и качеству (собственно, все остальные типы). Иногда же на определение типа предложения влияет даже лексическое значение отдельных слов, входящих в состав сказуемого, например (см. стр. 155—156):

<i>Ich habe Schmerzen</i>	}	— состояние
<i>Er hatte Angst</i>		
<i>Da hatten wir eine Begegnung</i>		— действие

Эта неоднородность принципа классификации затрудняет понимание и может дать повод к тому, чтобы упрекнуть автора книги в чрезмерном логизировании. Очевидно, более объективным критерием при классификации предложений была бы грамматическая форма предложения, от рассмотрения которой следовало бы переходить к анализу содержания предложения (ср. стр. 148 — анализ грамматической формы возвратной конструкции и з а ч е н и й, которые она может выражать).

Не дает полной ясности глава, носящая название «Степень полноты предложения» (стр. 180—209). Автор предлагает делить все предложения с точки зрения их грамматической структуры на три группы: 1) нераспространенные предложения, состав которых ограничивается главными членами; 2) эллиптические предложения, в составе которых отсутствует хотя бы один из главных членов; 3) распространенные предложения, включающие не только главные, но и другие члены предложения.

Однако в действительности оказывается, что далеко не все предложения могут быть распределены по этим трем группам. К такому выводу приходит и сам автор, рассматривая конкретный языковой материал. Так, например, приходится признать существование предложений распространенных, но в то же время эллиптических [«Bitte, tritt ein... Nein, hier in dies Zimmer» (W. Bredel, *Die Söhne*)], т. е. таких, в которых отсутствуют один или оба главных члена, в то время как второстепенные, распространяющие члены предложения — налицо. Следовательно, рамки классификации предложений по трем группам оказываются слишком узкими.

Далее. В разделе об эллиптических предложениях указывается, что эллиптически нельзя называть предложения, типологически отклоняющиеся от двусоставности (см. стр. 182 и сл.). Куда же относятся эти предложения, в которых постоянно отсутствует один главный член? Очевидно, наряду с тремя указанными типами предложений уместно было бы поставить вопрос о выделении в качестве отдельного типа одноставных предложений. Тем более, что в книге имеется раздел, специально посвященный их рассмотрению.

Одним из аспектов рассмотрения предложения является анализ места предложения в развернутой речи. С точки зрения места и связи с другими предложениями в потоке речи, предложение, по мнению В. Г. Адмони, может быть: 1) самостоятельным, 2) составной частью сложносочиненного предложения и 3) состав-

¹ См. А. А. Шахматов, *Синтаксис русского языка*, 2-е изд., Л., 1941, стр. 279—280.

² См. М. П. Савцова, *Приложение и его роль в современном немецком языке*. Автореф. канд. диссерт., Киев, 1956, стр. 2 и сл.

ной частью сложноподчиненного предложения (стр. 210)¹. Далее последовательно рассматриваются эти три выделенных типа предложений. Остановившись на том, что вызывает здесь возражения или сомнения.

1. Место самостоятельного предложения в развернутой речи определяется следующим образом: «Самостоятельное предложение никак не выражает специальными грамматическими средствами свою связь с другими предложениями, хотя на самом деле определенная смысловая связь при наличии речевого контекста здесь все же постоянно имеет место» (стр. 210).

Нам кажется, что нельзя так решительно заявлять о том, что грамматические средства не участвуют в соединении так называемых самостоятельных предложений. К числу таких средств относятся, например, порядок слов, союзы и примыкающие к ним слова; определенное использование входят также модальные и временные формы глаголов — все это средства грамматические. Примером могут служить следующие контексты: «Träge kroch die Dämmerung über die Dächer. Der Tag war grausam heiß gewesen. Die Sonne hatte die Luft in den engen Gassen in eine flimmernde, lebendige Wolke, verwandelt...» (W. Bredel, *Die Sansculotten von Gravilliers*); «Andreas erhob sich. Dr. Berner auch» (W. Bredel, *Das schweigende Dorf*); «Der Kampf war sein Element. Und er hat gekämpft mit einer Leidenschaft, einer Zähigkeit, einem Erfolg, wie wenige» (F. Engels, *Rede am Grabe von K. Marx*).

2. Бессоюзные предложения рассматриваются автором книги как разновидность сложносочиненных предложений. Однако, как известно, существуют такие виды бессоюзных сложных предложений, которые не имеют себе аналогии в союзных сложносочиненных предложениях по типу связи их частей. Например: «In den Nachmittagsstunden desselben Tages wurde bei Brentens die Klingel gezogen: vor der Tür standen ein Mann und eine Frau mit einem Kind» (W. Bredel, *Verwandte und Bekannte*). Ср. также в русском языке: «Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь» (Пушкин, *Капитанская дочка*).

3. Третьей разновидностью предложений, выделяемых В. Г. Адмони в зависимости от их места в развернутой речи, являются такие, которые выступают как часть сложноподчиненного предложения. В центре внимания автора стоит вопрос о придаточном предложении. Совершенно справедливо указывается, что это предложение, подчиненное по своему грамматическому положению, может, с точки зрения общего содержания всего сложного комплекса, оказаться более важным и, таким образом, логически господствующим.

Существенным представляется вопрос о классификации придаточных предложений. Не имея возможности в кратком «Введении в синтаксис» дать полного их анализа, автор все-таки высказывает свою точку зрения на общие принципы их классификации (стр. 222). Однако он считает, что придаточные предложения должны рассматриваться лишь на основе их аналогии членам самостоятельного предложения. С этим мы не можем согласиться. В академической «Грамматике русского языка» (т. II, ч. 1-я, стр. 103) читаем: «...традиционная аналогия между так называемыми придаточными предложениями и членами простого предложения, проводившаяся прежде, а иногда проводимая и теперь с неуклонной и односторонней прямолинейностью, на самом деле может иметь лишь очень ограниченное и условное применение. Прежде всего ясно, что некоторые типы сложноподчиненных предложений (например, сравнительные, условные, следственные, уступительные, разные формы временных и др.) не имеют прямой аналогии с соответствующими видами обстоятельства как второстепенного члена предложения». Это положение в определенной степени справедливо и для немецкого языка. Ср.: «Auf dem Wege zu ihrer Tochter war Frau Hardekopf wiederholt von Bekannten begrüßt worden, was sie indessen nicht bemerkt hatte...» (W. Bredel, *Verwandte und Bekannte*), «Er schickte ihn nach der Grafschaft Burgund, wozu sich eben ein anständiger Verwand gab» (F. Schiller, *Geschichte des Abfalls der vereinigten Niederlande*).

Некоторую неудовлетворенность оставляет у нас часть, посвященная рассмотрению подчинительных словосочетаний. Прежде всего вызывает сожаление отсутствие общего определения словосочетания как языковой единицы и соотношения его со словом и предложением. Все многообразие видов словосочетания сведено лишь к двум подчи-

¹ Мы не хотим полемизировать с автором о возможности употребления термина «предложение» по отношению к части сложного предложения. На неудовлетворительность этого термина уже указывалось в работах различных лингвистов (см., например, Н. С. П о с п е л о в, *О грамматической природе сложного предложения*, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950). Вывод, к которому приходят В. Г. Адмони в результате полемики с Г. Паулем, не совсем ясен: «...термины (главное предложение, подчиненное предложение) показывают, что мы имеем дело с какими-то специфическими разновидностями предложения, а не с предложениями в чистом виде. Но все же отсюда еще нельзя сделать вывод, что они с о в с е м не являются предложениями» (разрядка наша. — *Авт.*) (стр. 208).

нительным синтаксическим группам — группе существительного и группе глагола. Даже не упоминается о возможности существования других видов подчинительных групп (группы прилагательного, наречия); ни слова не говорится о сочинительных словосочетаниях.

Укажем еще на ряд более частных вопросов, вызывающих у нас сомнение. На стр. 27, например, *Riesen-, Heiden-, Groß-* именуется «полупрефиксами»¹, а *stock-, stein-* — приставками. Мы думаем, что *Heidenlärm, stockfinster* и т. п. — сложные слова идиоматического типа, а *Heiden-, stock-* и пр. — их компоненты. Не случайно и сам В. Г. Адмони говорит, что «такие приставки (*stock-, stein-* — *Am.*) могут быть связаны лишь с ограниченным количеством прилагательных» (стр. 27). А редкость употребления для приставок как раз не характерна.

Замечание о том, что «в группе причастия могут быть воспроизведены те синтаксические отношения, которые существуют в группе глагола» (стр. 203), нельзя считать исчерпывающим для характеристики группы причастия (особенно при распространенном определении), ибо в нем совершенно не учитывается тот факт, что причастие, помимо глагольных признаков, имеет еще и признаки прилагательного. Синтаксические отношения в группе глагола в предложениях *Der Kampf dauerte lange; Der Baumstamm wuchs krumm; Er erfüllte seine Pflicht treu; Sie antwortete richtig* и т. п. иные, чем в следующих группах причастий: *der lange dauernde Kampf, der krumm gewachsene Baumstamm, die treu erfüllte Pflicht, eine richtig beantwortete Frage*.

Следует остановиться также на вопросе о средствах синтаксической связи (см. стр. 15 и сл.). Нам представляется, что в основу выделения автором шести типов синтаксической связи не положен единый принцип; это приводит к смешению разнохарактерных явлений языка. Непонятно, почему рядом с такими средствами выражения синтаксической связи, как согласование и управление, рассматривается такое средство, как «свойственная определенным разрядам и формам слов способность закономерно сочетаться с другими словами определенных разрядов и форм, образуя с ними синтаксически в большей или меньшей степени завершенные конструкции» (стр. 17). В качестве иллюстрации характера этого средства связи приводится, в частности, способность склоняемого прилагательного сочетаться с существительным, что, с нашей точки зрения, является согласованием. Кроме того, понятия согласования и управления не находят себе в книге четкого определения, поэтому для читателя остается неясным, для чего автор, помимо управления, выделяет такое средство связи, как служебные слова, которое, по сути дела, перекрещивается с управлением.

Несколько упрощена в книге трактовка модального аспекта предложения (стр. 163—179). При перечислении средств выражения модальности отсутствует указание на роль интонации; в связи с этим остается неясным, каким образом выражается модальность в безглагольных предложениях, которые не содержат модальных слов.

В. Г. Адмони специально останавливается на понятии синтагмы. Весьма положительным кажется нам стремление автора рассматривать синтагматическое членение предложения в связи со специфическими особенностями строя предложения в немецком языке. Однако трактовка синтагматического членения как «в первую очередь и непосредственно» членения фонетического (стр. 100) кажется нам спорной; количество же иллюстрационного материала в этом разделе весьма ограничено и не подкрепляет в достаточной степени положения, выдвинутые В. Г. Адмони.

В работе встречаются отдельные неудачные выражения. Так, например, вызывает недоумение трактовка роли *es* в безличном предложении типа *es friert mich*. На стр. 111 читаем: «...известная „смутная“ (?—*Am.*) субъектность подлежащего может быть отмечена и здесь (*es* может быть воспринято как обобщенное обозначение тех сил и условий, которые вызывают соответствующее состояние у логического субъекта)».

В книге есть также ряд досадных редакционных погрешностей, которые необходимо учесть при ее переиздании. После указания на то, что «в немецкой грамматике... чаще всего дополнение рассматривается... как часть группы глагола или прилагательного» (стр. 325), в качестве иллюстрации этого положения приводится цитата из «Современного немецкого языка» Л. Р. Зидера и Т. В. Строевой-Сковольской, где говорится, что «под дополнением понимают обычно член предложения, непосредственно подчиненный глаголу». (Последнюю мысль высказывает и сам В. Г. Адмони.) На стр. 361 вместо слов «в качестве предикативного прилагательного» следует сказать: «в качестве предикативного определения». В предложении *Ida bat Pauline..., Sie bald einmal zu besuchen* (стр. 357) инфинитивный оборот выражает не цель, а является дополнением. Ср. также определение междометий на стр. 193.

К сожалению, в книге содержится весьма небольшое количество примеров, что затрудняет подчас понимание мысли автора (например, на стр. 68—69, 70—78, 96 и др.). Много имеется не замеченных корректором опечаток: стр. 171 (8 строка сверху), стр. 172 (19 строка сверху), стр. 223 (16 строка снизу), стр. 234 (4 строка снизу),

¹ Такой же точки зрения придерживается М. Д. Степанова в своей книге «Словообразование современного немецкого языка» (М., 1953).

стр. 378 (18 строка сверху) и др., что совершенно недопустимо в филологическом издании.

В заключение хочется подчеркнуть, что несмотря на указанные недочеты книга В. Г. Адмони очень ценна своей теоретической направленностью и может служить полезным пособием как для преподавателей, так и для студентов языковых вузов.

А. М. Искоз, Г. Н. Эйхбаум и Н. П. Фомин
